

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

ДРУГУ
СМОТРИ
В ГЛАЗА

КНИГА ДЕТСТВА

Москва
«Книга по Требованию»
2015

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

Баженов Г. В.

Б 16 Другу смотри в глаза. *Книга детства*. — М.:
Книга по Требованию, 2015. — 368 с.

ISBN 5-7117-0123-1

«Книга детства» Георгия Баженова — это книга о нашем с вами детстве, о нашей юности и молодости, друзья. Только в детстве бывают такие чистые и светлые зимние дни, только в юности бывает такая бескорыстная и звездная любовь, только в молодости мы ощущаем в себе столько сил и дерзновенных мечтаний, что кажется — их хватит на несколько жизней.

«Книга детства» — это книга о неизбывной любви человека к жизни, начиная с малых лет и кончая зрелым возрастом.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ISBN 5-7117-0123-1

© Баженов Г. В., 2006

© Издательство

«Книга по Требованию», 2015

ДЕТСТВО СУВОРОВЦА КОСТОУСОВА

Повесть в рассказах

ДРУГУ СМОТРИ В ГЛАЗА

1

Маленький автобус с промерзшими стеклами, весь в клубках белого морозного пара, подкатил к конечной остановке, дверцы со скрежетом раскрылись, и я, с чемоданчиком в руках, выпрыгнул на утрамбованный сотнями ног снег. На мне была длинная, черного цвета, как и мой чемодан, суворовская шинель. Поставив чемодан на землю, я поправил шапку, одернул шинель, подтянул ремень, похлопал по лампасам брюк перчаткой, словно отряхивая их от снега, и, подхватив чемоданчик, пошел по дороге домой.

Я шел и всем своим видом старался показать легкость, радость своей походки, но давалось это с трудом: чемодан был тяжеловат. Сначала на почтительном, а затем уже совсем близком расстоянии от меня следовала группа поселковых

ребятишек. Восхищение мной, которое с неподдельной искренностью светилось в ребячьих глазах, наполняло меня гордостью за всех товарищей-суворовцев, и силы от этого удесятерялись во мне. Толпа ребятшек все разрасталась, и это в конце концов измучило меня. Я не мог у всех на виду поставить чемодан на землю и отдохнуть — было стыдно, могут ведь подумать, что не очень силен наш брат, — я лишь изредка перехватывал его в другую руку и шел дальше. Силы мои были на исходе; тогда, прежде чем свернуть в переулок и выйти на родную улицу, я вдруг внезапно остановился, обернулся и начал в упор смотреть на преследователей. Это их очень смутило; не понимая, почему я так твердо и даже как-то рассерженно смотрю на них, они начали потихоньку рассеиваться, расходиться кто куда, пряча почему-то глаза... «Ладно, ладно, — думал я, — ничего». Я снова зашагал вперед, свернул в проулок и незаметно покосился назад. К ужасу моему, за мной плелся еще один мальчишка, на вид первоклашка, но какое-то взрослое упорство было в его глазах, когда я крикнул ему: «Ну! Чего тебе надо?» Он не испугался, хоть и остановился, и отважно спросил:

— Скажите, вы правда суворовец?

— Конечно, правда. Разве не видишь?

— А-а... — как-то очень неопределенно протянул он, словно бы даже разочаровавшись в чем-то, повернулся и медленно, не показывая вида, что испугался или смутился, пошел прочь.

Наконец-то я вздохнул, когда, выйдя на свою улицу, поставил чемодан на землю, никого теперь не стесняясь, да и никого не видя, — улица наша короткая и малолюдная. Сладко мне было отдыхать, почувствовать немоту, даже ватность в руках... И стоял я так долго, пока не заметил в конце улицы какого-то человека, вышедшего, видно, со двора на улицу подчистить снежок у дома. Я снова поднял свой чемодан: был ясный, не очень морозный, звонкий день. Я подходил к дому, где жила Саша, не слыша поскрипыванья сапог, а чувствуя лишь удары своего сердца. Я проходил мимо ее дома как проплывал: медленно, плавно, важно, со значением, — но я не знал, видел ли кто-нибудь меня в окно — может, стекло замерзло? Но я хотел, чтобы Саша увидела меня сейчас! Видела ли?

Так и прошел я мимо, не зная...

Мама была на работе — ждать бесполезно, и я решил пойти на каток.

Захватив коньки, я все кружил около Сашиного дома, надеясь случайно встретить ее. И все-таки, когда она с портфелем в руках вышла из-за поворота, вероятно, возвращаясь из школы домой, и мы столкнулись почти лицо в лицо, я растерялся от неожиданности и смущения.

— Здравствуй, Саша... — пролепетал я.

— Здравствуй... — споткнувшись на слове и оробев от этого, ответила она.

На ней были валенки, черная шубка и спортивная вязаная шапочка, из-под которой выглядывали две черные косички с альми бантами.

— А у меня уже каникулы! — весело и трепетно сказал я. — И дома никого. Пойдем кататься? — и показал на коньки.

— Здорово! — сказала она. — А у нас только с завтрашнего дня. Вот не везет!

Мы медленно пошли к их дому. Она вдруг рассмеелась:

— А вот меня возьмут и не отпустят! Давай говорить «ты»?

— Давайте. Давай... — поправился я и сказал: — А ты скажи дома...

— А вот и не буду ничего говорить! Давай вместе зайдем?

— Неудобно знаешь как!

— Да у меня папка вот какой хороший! Пошли, — потянула она меня за руку.

Делать нечего, пришлось слушаться.

— О, да к нам сегодня гости! — воскликнул Сашин отец, завидев нас. — Да какие гости! Ну, проходи, проходи, молодец...

— Да нет, я тут... я сейчас... Здравствуйте.

— Папа, можно я с Володей... можно, мы на каток ходим?

— О чем разговор! Да проходи, проходи, не стесняйся, что же я тебе руку над порогом, что ли, жать буду? — Он все-таки затянул меня в комнату, прямо в шинели и, с уважением заглядывая мне в глаза, которые я прятал от смущения

ния, — ухажер все-таки! — крепко пожал мне руку. А я вдруг растерялся оттого, что взрослый человек пожал мне руку, что чуть с ходу не взял под козырек и не выпалил: «Здравия желаю!..»

— Как там жизнь военная? — спрашивал меня отец, пока Саша бегала по комнатам, собираясь на каток.

— Жизнь военная ничего, — пищал я детским баском.

— Служишь?

— Приходится, — отвечал я важно. — Служу.

— Ну, и как там, на Курильских островах? — рассмеялся он весело. — Ничего?

А я и не знал, как там, на этих островах, и отвечал:

— Да на Курильских островах все по-старому. Ничего.

— Учишься как, тоже ничего?

— Ничего. Отлично.

— Слыхала? — крикнул отец Саше. — Кавалер твой вон как учится. А ты?

При этом явном слове «кавалер» я покраснел и опустил глаза.

— Так, так... — говорил отец. — Ну, ну... Молодец. По мамке не скучаешь?

— Вот еще.

— Пошли! — выручила наконец Саша. — Готова.

А на катке играла музыка: искрились гирлянды зажженных разноцветных ламп; мощные прожектора освещали удивительный, мелькающий

калейдоскоп платьев, курточек, брюк, шапочек, свитеров, бантиков, шарфов. И в этот калейдоскоп мы влились, как в свою стихию, и сначала катались на некотором расстоянии друг от друга, а уж только затем, да и то иногда, взявшись за руки. Это было в первый раз в моей жизни, что я катаюсь с девочкой за руку, оберегая и защищая ее, а не то что разбегаюсь, толкаю или даже сшибаю девчонку с ног, как это бывало на училищном катке, где — от смущения и робости — не находишь иного способа выказать свои чувства к понравившейся девчонке. И там, на катке, нам было странно и завидно смотреть на наших же суворовцев-старшекласников, которые катались со своими напарницами спокойно, степенно, о чем-то таинственно разговаривая и над чем-то заговорщически, взволнованно смеясь. Даже когда Валька, мой друг, приводил на каток Иру и они катались вместе, но не вдвоем, а вместе со мной, им и в голову не приходило взять друг друга за руку, а я к тому же не отставал от них ни на шаг. Обычно я словно с ума сходил, разгонялся и со всего маху старался врезаться в них, сшибал то Вальку, то Иру, то сам больно падал, и никто даже не думал на меня обижаться; или начинал на глазах у обоих выделывать какие-нибудь штуки, которым специальных названий, наверно, и нет, но которые многие из нас умели делать из лихости, озорства и хвастовства. Валька к тому же этих фигур делать не мог и потому, по моим представлениям, в глазах Иры должен был выглядеть слабаком; когда

рядом с нами была Ира, вернее, когда рядом с ними был я, наша дружба с Валькой превращалась в яростное соперничество, особенно с моей стороны. Надо отдать Вальке должное: он никогда не обижался на меня, он вообще был самый безбидный человек на свете...

Хотя я пришел на каток в суворовской форме, я не особенно выделялся на общем пестром и ярко-красочном фоне; само собой приходило ко мне ощущение свободы. Но вскоре, куда бы мы ни катились, перед нами образовывался некий коридор, нам давали дорогу, а это значит, что нас всюду замечали и за нами наблюдали. Мне вдруг показалось, что все как будто чего-то ждут от нас, от меня, чего-то необыкновенного и красивого, раз уж если не я, то моя форма была такая красивая и необыкновенная... И со мной началось то, что случалось почти всегда. Вновь начал я выделять свои штуки, убегал далеко от Саши, крутился, вертелся, или прыгал, или вдруг резко тормозил, так что лед искрами летел из-под моих коньков. И так как я был занят самим собой, я не замечал, что теперь на меня глядели вокруг не с завистью, добротой или восхищением, а враждебно: хвастунов нигде не любят. И лишь когда со всего размаха я неожиданно растянулся около самых ног Саши и от боли даже не смог сдержаться, чтобы не вскрикнуть, я и почувствовал эту враждебность по веселому, радостному и едва ли не злорадному смеху, который летел отовсюду прямо мне в лицо.

— Вставайте, — услышал я. — Что, сильно брякнулись?

Я поднял глаза и увидел того первоклашку, который еще днем преследовал меня чуть не до самого дома.

«Вот еще, — подумал я. — Опять этот...» — И ничего ему не ответил, быстро поднялся, и наши с Сашей глаза встретились.

Мы сели с Сашей на скамейку отдохнуть; я был злой, растерянный и глядел на катающихся невидящим взглядом, так что огни и краски точно плыли в моих глазах. А Саша, видно, вспомнила, как нелепо я растянулся перед ней, и рассмеялась веселым обидным смехом. И тут — про себя — я ей припомнил Гену, подумал: над ним-то, наверно, не смеялась бы...

Я почувствовал чей-то взгляд, оглянулся и снова увидел настырного первоклашку, в упор смотревшего на меня.

— Эй ты! — крикнул я ему. — Долго ты будешь тут вертеться?..

— А-а... — опять как-то очень неопределенно протянул он, но поняв меня; понутив голову, он неумело покатился от нас в середину катка...

А Гена был тот мальчик, из-за которого Саша так долго не дружила ни с кем из нашего класса; об этом я узнал из ее же писем. Семья Саши переехала к нам из соседнего городка Алапаевска, где и жил Гена, с которым Саша раньше дружила; помня его, она почему-то презирала остальных ребят. И чего она в нем нашла?..